

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.22

Правильная ссылка на статью:

Кондаков А. А. Мир глазами Кинг-Конга и теория относительности. Рец. на кн.: Депант В. Кинг-Конг теория / пер. с фр. Е. Шторна. М.: No Kidding Press, 2019 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 477—485. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.22>.

For citation:

Kondakov A. A. (2019) The World According to King Kong and the theory of relativity. A book review of Despentés V. (2019) King Kong théorie. Trans. from Fr. by E. Shtorn. Moscow: No Kidding Press. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 477—485. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.22>.

А. А. Кондаков

МИР ГЛАЗАМИ КИНГ-КОНГА И ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ. РЕЦ. НА КН.: ДЕПАНТ В. КИНГ-КОНГ ТЕОРИЯ / ПЕР. С ФР. Е. ШТОРНА. М.: NO KIDDING PRESS, 2019

МИР ГЛАЗАМИ КИНГ-КОНГА И ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ. РЕЦ. НА КН.: ДЕПАНТ В. КИНГ-КОНГ ТЕОРИЯ / ПЕР. С ФР. Е. ШТОРНА. М.: NO KIDDING PRESS, 2019

THE WORLD ACCORDING TO KING KONG AND THE THEORY OF RELATIVITY. A BOOK REVIEW OF DESPENTES V. (2019) KING KONG THÉORIE. TRANS. FROM FR. BY E. SHTORN. MOSCOW: NO KIDDING PRESS

КОНДАКОВ Александр Александрович — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Александровский институт при Хельсинкском университете, Хельсинки, Финляндия
E-MAIL: alexander.kondakov@helsinki.fi
<https://orcid.org/0000-0002-0094-906X>

Alexander A. KONDAKOV¹ — Cand. Sci. (Soc.), Post-Doctoral Researcher
E-MAIL: alexander.kondakov@helsinki.fi
<https://orcid.org/0000-0002-0094-906X>

¹ Aleksanteri Institute, University of Helsinki, Helsinki, Finland

Ключевые слова: гендер, сексуальность, квир-теория, порнография, сексуальное насилие, проституция

Keywords: sexuality, queer theory, pornography, sexual violence, prostitution, gender

Публикация книги Виржини Депант «Кинг-Конг теория» [Депант, 2019] — знаменательное событие для отечественного интеллектуального сообщества. Несмотря на огромный интерес к теме сексуальности, на русском языке печатается очень мало литературы, способствующей осмыслению вопросов из области гендерной теории и отношений власти. Долгое время работы Игоря Семеновича Кона были чуть ли не единственным источником социологического и культурологического знания о сексуальности в России [Кон, 2003; Кон 2010]. К настоящему моменту на русском языке появились некоторые монографии и сборники по изучению сексуальности [Роткирх, 2011; Здравомыслова, Темкина, 2015], в особенности следует отметить литературу по наиболее современному подходу в этой области исследований — квир-теории [Джагоз, 2008; Кондаков, 2014; Градинари, 2015]. Публикуются также специальные выпуски журналов с текущими теоретическими и эмпирическими работами по изучению сексуальности [Бороздина, Кондаков, Шторн, 2017; Ломакин, Тартаковская, 2018; Шторн, 2018]. Однако на этом фоне книга Виржини Депант выделяется своей оригинальностью. С одной стороны, эта работа — автоэтнографическое изучение самых неоднозначных тем гендерной и феминистской повестки: порнография, сексуальное насилие, проституция. С другой стороны, книга написана не в академическом, а в популярном (даже провокационном) стиле, но все же является серьезным вкладом в развитие научных теорий сексуальности и власти. Именно на этом аспекте работы я сосредоточусь далее.

Изнасилование, порнография, коммерческий секс — далеко не полный список проблем, о которых пишет Виржини Депант в этой книге. Но дальнейшее не является предупреждением о триггерах, несмотря на сензитивность поднимаемых тем. Главная мысль, которую хочет донести автор, противоположна логике триггеров и заключается в том, что подобный опыт нельзя замалчивать. Напротив, следует напрямую столкнуться с неудобными вопросами, чтобы найти на них новые ответы. Эту цель автора — столкнуть читателя с реальностью — хорошо передает текст книги. Поэтому в мои задачи не входит рассказать о подробностях будущего столкновения. Скорее я хочу провести параллели между текстом Виржини Депант и другими теориями, упоминаемыми и пропущенными в книге, чтобы восстановить связи между личным опытом, на котором основана книга, и универсальной наукой, принявшей ее аргументы в свой канон.

В той степени, в какой я воспринимаюсь другими женщиной, я — мужчина. Поэтому написание рецензии на книгу, в которой женщина рассказывает об опыте насилия над ней со стороны мужчин, — это в лучшем случае менсплейнинг. В свое оправдание я хочу сказать, что не буду пытаться предлагать единственно верную интерпретацию «Кинг-Конг теории». Моя цель — показать контекст, который поможет каждой самостоятельно интерпретировать Виржини Депант, ее литературный продукт, а также другие ее действия за пределами читаемого текста. Каждая строчка этой книги пережита автором, то есть берет за основание события, карьеру, взаимо-

действия, реально случившиеся с ней в прошлом. Когда на страницах книги появляется Кинг-Конг, этот частный опыт претендует на общий, абстрактный, теоретический характер. Я сконцентрируюсь на общем, чтобы с осторожностью сберечь частное.

Архимед однажды постулировал: «Дайте мне точку опоры, и я поверну Землю». Именно этот тезис деятельно развивает Виржини Депант в «Кинг-Конг теории». На своем опыте она столкнулась с задачами, потребовавшими больших усилий, чтобы мыслить нестандартно. Если что-то существует в этом мире в каком-то одном смысле — например, сексуальное насилие, — то у человека имеются крайне ограниченные возможности придать этому другой смысл, даже если личный опыт не совпадает с принятым текущим определением (ср. [Butler, 1993: 228]). Депант приходится перевернуть Землю, чтобы выработать определения проблем, с которыми она столкнулась, совпадающие с ее опытом, а не принимающие на веру уже имеющиеся смыслы. Но это вовсе не означает, что она выворачивает здравый смысл наизнанку, чтобы подверстать объяснение действительности под свое ощущение. Как и Архимед, она выбирает точку опоры, то есть занимает новую позицию с соответствующей перспективой, чтобы посмотреть на интересующие ее вопросы с другой стороны.

Этот метод познания не нов. Пожалуй, наиболее ярким примером подобного хода мысли можно считать теорию относительности. Согласно ей, в моем дилетантском представлении, в зависимости от положения наблюдателя, физические процессы протекают по-разному: если вы движетесь в ракете со скоростью света и плюете в потолок, ваш плевок немедленно вернется к вам и попадет прямо в глаз. Наблюдающему за вами с Земли, однако, будет очевидно, что плевок проделает более длинный и сложный путь, приземлившись в трех метрах от вашего глаза. На более тонких примерах эта теория была доказана эмпирически. Физики составляют формулы, учитывающие это понимание пространства-времени, чтобы более точно отразить то, что происходит на самом деле. Без учета теории относительности их расчеты часто ошибочны и могут привести к катастрофам.

В социальных науках роль теории относительности играет квир-теория, хотя она и заслужила несколько иную славу [Halperin, 2003]. Если теория относительности называется самой красивой из существующих, то квир-теория — самой мутной, неясной и абстрактной [Paglia, 2011: 84—85]. Правда, одно вовсе не исключает другого. Квир-теория предлагает новые объяснения принимаемым в качестве здравого смысла реалиям и, по мнению критиков, тем самым отступает от наблюдаемой действительности в сторону абстрактных конструкций, а по мнению сторонников, точнее передает комплексную действительность, чем здравый смысл или привычные теории. Это вовсе не означает, что квир-теория выдает любое нестандартное объяснение, противоречащее здравому смыслу, за более точно отражающее эмпирический опыт. Напротив, квир-теория имеет строгие ограничения, как и теория относительности. В частности, этой теории нужна точка опоры — перспектива, — чтобы опереться и представить аргументированную критику текущей версии реальности [Butler, 1993: 228].

В работе Виржини Депант такой точкой опоры является Кинг-Конг. Депант исследует нормы существующего гендерного и сексуального порядка в знакомом ей французском обществе и вырабатывает новые подходы к их осмыслению, проведя

мысленный эксперимент. В рамках эксперимента она обращается к Кинг-Конгу, вымышленному персонажу, вовлеченному в типичные для современных гетеронормативных обществ гендерные отношения — борьбу за обладание женщиной. В этой системе — уже в самой этой фразе — скрыт гендерный порядок, который делит общество на мужчин и женщин, а также наделяет эти категории двумя противоположными статусами: статусом действующего субъекта мужчину и статусом добычи-объекта — женщину. Критика этого подхода стала отправной точкой для квир-теории [Rubin, 1984; Butler, 1990; de Lauretis, 1991; Кософски Сэдживик, 2002]. Кинг-Конг как существо, не относящееся к миру людей и в связи с этим не имеющее притязаний, способствующих воспроизводству гендерных статусов, находится в положении, из которого можно наблюдать за предметом, двигающимся на скорости света, и тем самым увидеть, что происходит на самом деле.

Использование вымышленных персонажей для построения теории довольно типично в квир-подходах. Лучшим примером может служить работа Джека Джудит Хальберстам, которая анализирует подводный мир Губки Боба по кличке «Квадратные штаны», фильм «Где моя тачка, чувак?» и героев «Корпорации монстров» [Halberstam, 2011]. Чудовища и дети, к которым они приходят в кошмарах по ночам в мультфильме компании «Пиксар», могут показать пример и правила выстраивания солидарности между антагонистами (см. также: [Kondakov, 2017; Батлер, 2018]). Это ли не то, что нам требуется, чтобы объединиться для решения общих проблем? Персонажи фильма «Где моя тачка, чувак?» — это наивные простаки, глупость которых позволяет беспрепятственно принимать гендерную вариативность. Тем не менее многим до сих пор сложно представить себе, что общество не делится на два противоположных пола. А мир Губки Боба — это вселенная, в которой отсутствие здравого смысла не разрушает все вокруг, как предсказывают консерваторы (см., напр.: [Щелкин, 2013]), а находится в небывалой гармонии с окружающей средой и населяющими ее существами и предметами. Стоит ли опасаться изменения социальных норм, полагая, что новое обязательно приведет мир к краху?

Развивая эти идеи в книге «Агу-Агу феминизм», Джек Джудит Хальберстам излагает базовые принципы, выражающие методологию познания этой версии квир-теории [Halberstam, 2012]. Во-первых, мудрость следует искать там, где никто не ожидает ее найти. Это позволяет отбросить заранее известные идеи, чтобы отыскать новые, более многообещающие. Во-вторых, необходимо понимать, что социальные изменения происходят постоянно, но только на периферии они заметны до того, как становятся всеобщими. В-третьих, контринтуиция продуктивнее интуиции, поскольку здравый смысл, на котором основана интуиция, — это чаще всего полная бессмыслица. В-четвертых, любая вера в что-либо должна быть подвергнута творческому сомнению, которое только и дает новые результаты. Наконец, нельзя бояться быть «отвязным фриком», считает Хальберстам, поскольку маргинальность — это перспектива, которая открывает большие методологические возможности (см. [Вершинина, 2018]).

Каким образом принятая исследовательская перспектива позволяет выработать подобные принципы познания? Эта перспектива и есть точка опоры, переворачивающая мир, позиция, относительно которой можно взглянуть на опыт другими глазами. Она обнаруживается в квир-теории в различных формах. Для

Хальберстам, исследующей сексуальность и гендерные отношения, это фигура ребенка. Почему? Потому что в ее представлении позиция ребенка является сторонней. Перспектива ребенка в рамках методологии познания — это позиция досексуализированного субъекта. Иными словами, ребенок еще не знает, что такое мужчины и женщины, каковы социальные нормы гендерного разделения труда, как по гендерным каналам распределяется власть в обществе, чем связаны между собой насилие и секс. Ребенок, возможно, вообще ничего не знает о существовании секса, гендера и сексуальности. Наивный взгляд служит опорой для нового знания. Именно поэтому в качестве методологической основы для анализа воспроизводимых на уровне здравого смысла отношений власти в современном обществе такая удаленная и отвлеченная позиция оказывается продуктивной. Относительно этой позиции можно наблюдать за тем, как мимо пролетает космический корабль на скорости света и что происходит в его окнах.

В квир-теории на разных этапах ее становления и развития такой точкой опоры становились разные группы, что позволяло по-новому посмотреть на социальные движения (см., напр.: [Кондаков, 2013]). Геи как перспектива, из которой можно посмотреть на общество, позволили выявить гетеронормативность социальных отношений, политики и истории [Warner, 1997]. Лесбиянки — оспорить центральность мужественности в освободительной политике ЛГБТ [Cvetkovich, 2003]. Опыт трансгендерности уличает современные общества в воспроизводстве неравенства, основанного на бинарной оппозиции полов [Butler, 1990]. Чуть позже перспективами, из которых исследователи смотрели на мир, стали социальные позиции бисексуалов, интерсекс, асексуалов [Przybylo, Cooper, 2014; Куровицка, 2014]. Однако, как видно из приведенных выше примеров, такой точкой опоры может служить не только реально существующий опыт. Любой теории требуется аксиоматика, краеугольный камень, на основе которого будет возводиться аргумент. Квир-теория использовала в качестве таковых разный опыт, организуемый в социальные группы или основывающий идентичности. Тем не менее продуктивной для изучения гендера и сексуальности оказывается позиция, не связанная напрямую с гендерными или сексуальными отношениями. Возможно, именно такая позиция продуктивнее любых других.

Для Виржини Депант Кинг-Конг — это такая точка опоры. Кинг-Конг — это не просто вымышленный персонаж, который живет вне сексуальности и гендерных отношений. Это существо символически представляет собой дистанцию по отношению к современному человеческому обществу: оно не является человеком, обитает на затерянном острове в одиночестве, у него нет партнера по сексуальным связям, семьи или детей¹. С другой стороны, Кинг-Конг представляется в форме примата, то есть существа, относительно человечества позиционируемого в качестве предка. Тем самым его значение в темпоральном аспекте выражено предшествованием: это то время, когда человеческое общество еще не знало современных норм. В этом смысле Кинг-Конг обладает той же наивностью, что и фигура ребенка у Хальберстам: он еще не знаком с господствующими гендерными и сексуальными порядками.

¹ В фильме «Сын Конга» (RKO, 1933) главным монстром является Кико, как следует из названия, сын Кинг-Конга. Однако вопрос о том, как этот сын появился на свет, замалчивается.

Для Виржини Депант Кинг-Конг служит инструментом, препарирующим гендерные нормы современного общества. Заняв его позицию, она показывает, как устанавливается гендерная норма, как подтверждается доминирование и гегемония, как санкционируется отклонение. Сначала отрицается система смыслов Кинг-Конга, которая позволяет ему ориентироваться и действовать в пространстве: прибывшие на остров люди воспринимают его не как гармоничный элемент джунглей, но как претендента в борьбе за власть. Это становится очевидно людям, когда они интерпретируют интерес Кинг-Конга к женщине как интерес романтический и сексуальный (о романтике как элементе гетеронормативной власти см.: [Essig, 2019]). Тогда его вырывают из знакомой ему действительности, чтобы попытаться приручить, то есть подчинить людским нормам, указать на то единственное место, которое существо может занимать в человеческом обществе: экзотизированное чудовище — фрик, — сдерживаемое толстыми прутьями клетки и цепями. Как только Кинг-Конг пытается вернуть свою свободу, его действия жестоко наказываются. При этом насилие восстанавливает и воспроизводит гендерный порядок, поскольку его осуществляет мужчина, обосновывая защитой женщины, которой Кинг-Конг, по интерпретации этого мужчины, хотел обладать. Мужчина возвращает себе «право» на эту женщину — право, которое мыслимо только в системе несправедливых и неравных гендерных отношений, поскольку вне этой системы само словосочетание «право на обладание женщиной» не имеет никакого смысла. Кинг-Конг, на самом деле не заинтересованный в сексуальных отношениях с женщиной, ярко демонстрирует бессмысленность этого «права», насильственный характер поддержания такого «права» и несправедливость порядка, в котором это «право» существует на уровне здравого смысла, то есть не оспаривается.

Читая книгу Виржини Депант, вспоминайте о Кинг-Конге как о перспективе, «технике косо́го взгляда» [Градинари, 2015]. Многие не согласны с Депант, ее идеи могут вызывать шок или отвращение, смятение или смущение. Жизнь и творчество Депант говорит о том, что ей это безразлично, она знает о маргинальном интеллектуальном и социальном положении, которое занимает. Однако она не только не стесняется пребывать в этом положении, но, как и призывает квир-теория в версии Хальберстам, она видит его небывалую ценность. Эта ценность заключается в том, что из перспективы такого положения мы все способны увидеть новые грани воспринимаемых нами на уровне здравого смысла предметов: изнасилования, порнографии, коммерческого секса. Это не означает, что циркулирующие сегодня общепринятые определения будут отвергнуты. Это означает лишь, что нами будет получено новое знание, которое способно привести к новым горизонтам, основываясь на более точном расчете координат.

Список литературы (References)

- Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания / пер. с англ. Д. Кралечкин, науч. ред. А. Кондаков. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
Butler J. (2018) Notes towards a Performative Theory of Assembly. Trans. from En. by D. Kralechkin, ed. by A. Kondakov. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)

Бороздина Е. А., Кондаков А. А., Шторн Е. М. Современные исследования гендера и сексуальности: теоретические разработки и эмпирические изыскания // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. № 20(5). С. 7—14.

Borozdina E., Kondakov A., Shtorn E. (2017) Current Gender and Sexuality Studies: Theoretical Approaches and Empirical Research. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. No. 20(5). P. 7—14. (In Russ.)

Вершинина Д. Преподавание истории маргинальности: перспективы и вызовы // *Журнал исследований социальной политики*. 2018. № 16(2). С. 387—394. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-2-387-394>.

Vershinina D. (2018) Teaching the History of Marginalities: Prospects and Challenges. *The Journal of Social Policy Studies*. No. 16(2). P. 387—394. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-2-387-394> (In Russ.)

Градинари И. (ред.) Техника «косого взгляда». Критика гетеронормативного порядка. М. : Издательство Института Гайдара. 2015.

Gradinari I. (ed.) (2015) *Queer Eye Technics: Critique of Heteronormative Order*. Moscow: Gaidar Institute. (In Russ.)

Депант В. Кинг-Конг теория / пер. с фр. Е. Шторна. М. : No Kidding Press, 2019.

Despentes V. (2019) *King Kong théorie*. Trans. from Fr. by E. Shtorn. Moscow: No Kidding Press

Джагоз А. Введение в квир-теорию / пер. с англ. М. Кукарцевой. М. : Канон+, 2008.

Jagose A. (2008) *Queer Theory: An introduction*. Trans from En. by M. Kukartyseva. Moscow: Kanon+. (In Russ.)

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2015) *12 Lectures on Gender Sociology*. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви. М. : АСТ, 2003.

Kon I. S. (2003) *Moonlight at Dawn. Faces and Masks of Same-Sex Love*. Moscow: AST. (In Russ.)

Кон И. С. Клубничка на берёзке. Сексуальная культура в России. 3-е изд. М. : Время, 2010.

Kon I. S. (2010) *Strawberries on the Birch Tree: Sexual Culture in Russia*. 3d ed. Moscow: Vremya. (In Russ.)

Кондаков А. (ред.) На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований: сборник статей. СПб. : Центр независимых социологических исследований, 2014.

Kondakov A. (ed.) (2014) *On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice of LGBT and Queer Studies*. Collected Volume. St. Petersburg: CISR. (In Russ.)

Кондаков А. Новые конфигурации политики после квир-философии Джудит Батлер: протестные движения в России и проблемы их осмысления. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2013. Т. 4. № 90. С. 174—190.

Kondakov A. (2013) New Configuration of Politics after Judith Butler's Queer Philosophy: Protest movement in Russia and issues of its interpretation. *The Untouchable Store*. No. 90(4). P. 174—190. (In Russ.)

Кософски Сэдджвик И. Эпистемология чулана / пер. с англ. О. Липовской, З. Баб-
лояна. М. : Идея-Пресс, 2002.

Kosofsky Sedgwick E. (2002) *Epistemology of the Closet*. Trans. from En. by
O. Lipovskaya, Z. Babloyan. Moscow: Idea-Press. (In Russ.)

Куровицка А. Конструирование стабильной идентичности в мире квир: асексуаль-
ность // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований
/ под ред. А. Кондакова. СПб. : Центр независимых социологических исследований,
2014. С. 155—165.

Kurowicka A. (2014) Constructing a Stable Identity in a Queer World: The Case of
Asexuality. In: A. Kondakov (ed.) *On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice
of LGBT and Queer Studies. Collected Volume*. St. Petersburg: CISR. P. 155—165.
(In Russ.)

Ломакин И. В., Тартаковская И. Н. Вступительное слово приглашенных редакторов
рубрики, посвященной памяти И. С. Кона // Мониторинг общественного мнения :
Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. i — ii.

Lomakin I., Tartakovskaya I. (2018) Guest Editor's Introduction of the Rubric Dedicated
to the Memory of I. Kon. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*.
No. 6. P. i — ii. (In Russ.)

Роткирх А. Мужской вопрос: любовь и секс трех поколений в автобиографиях
петербуржцев / пер. с англ. Е. Д. Никифоровой ; науч. ред. Е. А. Здравомыслова.
СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Rotkirch A. (2011) The Men Question: Love and Sex of Three Generations in
Autobiographies of St. Petersburg Dwellers. Trans. from En. by E. D. Nikiforova.
St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Шторн Е. М. Сексуальное беспокойство: растревоженная машинерия интимности.
Социология власти. 2018. № 30 (1). С. 8—13.

Shtorn E. M. (2018) Sexuality in Trouble: The Disturbed Machinery of Intimacy. *Sociology
of Power*. No. 30 (1). P. 8—13. (In Russ.)

Щелкин А. Г. Нетрадиционная сексуальность (опыт социологического анализа).
Социологические исследования. 2013. № 6. С. 132—142.

Shchelkin A. G. (2013) Non-traditional sexuality (experience of sociological research).
Sociological Research. No. 6. P. 132—142. (In Russ.)

Butler J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York:
Routledge.

Butler J. (1993) *Bodies that Matter: On the Discursive Limits of "Sex"*. New York:
Routledge.

Cvetkovich A. (2003) *An Archive of Feeling: Trauma, Sexuality and Lesbian Public*.
Durham: Duke University Press.

De Lauretis T. (ed.) (1991) *Queer Theory: Lesbian and Gay Sexualities. Special Issue of Differences. A Journal of Feminist Cultural Studies*. No. 3 (2).

Essig L. (2019) *Love, inc. Dating Apps, the Big White Wedding, and Chasing the Happily Neverafter*. Oakland, CA: University of California Press.

Halberstam J.J. (2011) *The Queer Art of Failure*. Durham, NC: Duke University Press.

Halberstam J.J. (2012) *Gaga feminism: Sex, gender, and the end of normal*. Boston: Beacon.

Halperin D. M. (2003) The Normalization of Queer Theory. *Journal of Homosexuality*. No. 45. P. 2—4. https://doi.org/10.1300/J082v45n02_17 .

Kondakov A. (2017) Queer Coalitions: An Examination of Political Resistance to the Russian Migration Law. *Europe-Asia Studies*. No. 69(8). P. 1222—1241. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1377157>.

Paglia C. (2011) *Vamps & Tramps: New Essays*. New York: Vintage.

Przybylo E., Cooper D. (2014) Asexual Resonances: Tracing a Queerly Asexual Archive. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*. Vol. 20. No. 3. P. 297—318. <https://doi.org/10.1215/10642684-2422683>.

Rubin G. (1984) Thinking Sex: Notes for a Radical Theory of the Politics of Sexuality. In: C. Vance (ed.) *Pleasure and Danger*. New York: Routledge & Kegan Paul. P. 267—321.

Warner M. (ed.) (1997) *Fear of a Queer Planet Queer Politics and Social Theory*. 3d Edition. Minneapolis: University of Minnesota Press.